

Оу Пэн сказал: «Мастер секты Шуй, должно быть, шутит, у лезвий нет глаз, так как можно сдерживаться в ситуации жизни или смерти? Я использовал все свое боевое мастерство в нашей битве, и для моего второго старшего брата естественно иметь более глубокие боевые искусства, чем у меня. Я всегда занимался делами секты, и мои боевые искусства в итоге затормозились. Боевое искусство похоже на лодку на воде, если вы постоянно не двигаетесь вперед, вы останетесь позади. Я считаю, что брат Шуй поймет мое затруднительное положение.»

Шуй Юйпэн тихонько понюхал, не отвечая; он подумал: «Только дурак поверит твоим словам».

Шуй Юйпэн уже потерял всякую надежду в этот момент.

Оу Пэн увидел цвет на лице Шуй Юйпэна и улыбнулся, он сказал: «Мастер секты Шуй, у меня есть подарок, который я надеюсь, что ты любезно примешь».

Закончив свое предложение, он кивнул в сторону четвертого старейшины Шангуань, кто тотчас же выбежал из зала. Шуй Юйпэн странно посмотрел на Оу Пэна, в то время как его сердце чувствовало неуверенность.

В самом деле, вскоре после этого четвертый старейшина вернулся в зал, а затем леди, которая была красиво одета, занесла энергичного ребенка в возрасте трех лет. Лицо девушки было бледным, и ее психика слегка взволнована, а маленький мальчик смотрел по сторонам полный любопытства, восхитительно кусая засахаренный фрукт в руках.

Когда Шуй Юйпэн увидел этих двух знакомых фигур, он тут же задрожал от неудержимого гнева и обернулся, чтобы посмотреть на Оу Пэн. Он отчаянно заорал: «Оу Пэн, ты ...»

Еще до того, как Шуй Юйпэн смог закончить свое предложение, Оу Пэн рассмеялся и прервал: «Мастер секты Шуй, что ты собираешься сказать обо мне?»

Шуй Юйпэн понизил голос на несколько тонов и сказал: «У людей в Цзяньху есть свой набор правил, мои боевые искусства ниже твоих, так что ты можешь делать все, что захочешь, с моей жизнью. Однако моя жена не знает никакого боевого искусства, так почему ты привел их сюда?»

Оу Пэн продолжал улыбаться, и он махнул рукой и сказал: «Слова брата Шуй слишком тяжелые, я не похож на то, что ты думаешь».

Пока они разговаривали, женщина и ребенок уже вошли в зал, и мальчик с любопытством смотрел на группу незнакомцев. Когда его взгляд увидел знакомое лицо, он вскрикнул от счастья и проигнорировал засахаренный фрукт в руках, выбросив его обратно в грудь матери. Женщина продолжала держать его крепко, не смея отпустить, и ее глаза беспомощно смотрели на Шуй Юйпэн. Лицо ребенка покраснело, и его маленькое тело изо всех сил пыталось вырваться из объятий матери, а руки вытянулись к Шуй Юйпэну. Прямо в этот момент Шуй Юйпэн больше не беспокоился о Цзяньху или о каком-либо кровопролитии, о господстве любой эпохи или о положении на вершине Цзяньху, все о чем он мог думать, было теплое чувство объятий его сына, и используя его лицевые волосы, чтобы щекотать кожу его ребенка, и увидеть его нежную улыбку, когда он был в его объятиях.

В момент, когда нога мальчика приземлилась на землю, он тут же хихикнул и побежал к Шуй Юйпэну с засахаренными фруктами, которые все еще были в его руках. Когда мальчик был

достаточно близко, Шуй Юйпэн использовал две руки, чтобы схватить под руки мальчика и поднял его выше уровня головы, тряся его влево и вправо, пока ребенок не засмеялся, прежде чем крепко обнять его в объятия. Он погладил голову мальчика и с любовью взглянул на него, чтобы насладиться этим моментом, который не продлится долго.

Ребенок, казалось, чувствовал дискомфорт, будучи крепко обнятым его отцом, и он изо всех сил пытался высунуть лицо из объятий Шуй Юйпэна, затем он приложил все силы, чтобы отдать засахаренный плод в руках отцу, прежде чем сказать незрелым голосом «Отец, это тебе. Он действительно сладкий.»

Шуй Юйпэн тепло ответил: «Хороший мальчик Тяньтянь, отец не хочет, ты можешь съесть его сам».

Мальчик не выглядел счастливым, и он извивался своим телом, и сказал: «Отец должен его съесть. Тяньтянь сохранил его для отца. Если отец не съест, Тяньтянь прикончит его. И Тяньтянь больше не будет счастлив ».

Если бы это был обычный день, Шуй Юйпэн не съел бы цукаты и попытался бы найти способ позволить ребенку съесть его самому. Но в этот момент его глаза стали мокрыми, когда он посмотрел на серьезный взгляд в глазах своего ребенка и открыл рот. Увидев, что его отец наконец согласился, мальчик снова обрадовался и положил цукаты в рот своего отца. Увидев что Шуй Юйпэн укусил один из плодов, он сладко улыбнулся и осторожно съел еще один красный цукат, который был так же велик, как и его собственный рот.

Когда он съел плод, он пробормотал: «Старшая сестра Сюэ была права, она не солгала Тяньтянь. Я действительно увидел здесь отца.»

Шуй Юйпэн удивился и спросил: «Кто такая старшая сестра Сюэ?»

Тяньтянь ответил, пока он ел: «Она красивая старшая сестра, которая что-то накладывает на ее лицо. Старшая сестра Сюэ увела Тяньтянь и маму, она сказала, что мы идем, чтобы найти отца, и даже дал Тяньтянь эту вкусную вещь, чтобы поесть. Уже прошло много дней, Тяньтянь думал, что старшая сестра солгала.»

Шуй Юйпэн сразу же понял ситуацию.

Затем он обнял Тяньтянь и подошел к женщине. Он сказал: «Тяньтянь - хороший мальчик, поиграй с матерью. У отца есть еще кое-что, что нужно сделать, и он вернется, чтобы поиграть с тобой позже.

К тому времени лицо женщины вернуло часть своего цвета, и Шуй Юйпэн посмотрел на нее со сложными эмоциями на лице, прежде чем кивнуть головой. Глаза у леди были наполнены радости и удивления; она ничего не сказала Шуй Юйпэн и повернулась, чтобы выйти из зала, а Тяньтянь, кто был в ее объятиях, неохотно посмотрел на него.

Когда фигуры этих двух людей исчезли, Шуй Юйпэн повернулся лицом к Оу Пэн и сказал: «Мастер секты Оу ...»

Оу Пэн понял его намерения и сказал: «Мастер секса Шуй может быть в покое, четырнадцать членов твоей семьи не пострадали».

Оу Пэн повернулся к другим людям и сказал: «Принеси стул для мастера секты Шуй».

Люди принесли кресло и передали его Шуй Юйпэну, и Оу Пэн сказал: «Мастер секты Шуй, пожалуйста, присядь, прежде чем мы поговорим».

Шуй Юйпэн посмотрел на сел и задумался, он сильно вздохнул и медленно сел.

Он продолжил: «Так как брат Шуй сел, пожалуйста, слушай спокойно пока я продолжаю нашу раннюю тему. С точки зрения брата Шуя, нет никакой разницы в том, перейдет ли секта Лошуй в мою секту Пяомяо или храм Далинь. Однако, если брат Шуй подумает более тщательно, ты заметишь разницу между этими двумя сценариями. Если секта Лошуй была захвачена храмом Далинь или сектой Синьжун, это было бы связано с провалом вашей атаки на секту Синьжун или от мести храма Далинь за секту Синьжун. Учитывая разницу в силе между сектой Лошуй и сектой Синьжун, последнее, скорее всего, случится, и в то время храм Далинь не будет таким милосердным, когда они будут мстить, и каждый член твоей секты столкнется с уничтожением, не говоря уже о твоей семье. Кроме того, секта Далинь всегда была мощной в войне не воде, поэтому они не отпустят секту Лошуй легко, и единственным выходом было бы уничтожение секты Лошуй ».

Шуй Юйпэн грустно улыбнулся и сказал: «Я слишком опередил себя. Если бы я действительно продолжил свое нападение, это было бы сродни тому, чтобы разбить яйцо о скалу, и результат, вероятно, будет, таким как ты и сказал».

Оу Пэн продолжил: «Но теперь, когда ситуация изменилась, брат Шуй не начал атаки на секту Синьжун, прежде чем ты был захвачен нашей сектой Пяомяо, поэтому узел между тобой и храмом Далинь еще не был завязан».

Шуй Юйпэн холодно улыбнулся и сказал: «Но наша секта Лошуй упала под вас, так что результат не такой же? Разница только в числе жертв, или вы хотите, чтобы я продолжал возглавлять секту Лошуй?»

Когда он договорил до сюда, он удивился и поднял голову к лицу Оу Пэн: «Может быть, у этого мастера секты Оу именно это намерение?»

Однако Оу Пэн сравнил разницу в силах двух сект, поделился информацией о происхождении секты Синьжун и даже намекал на превосходство боевых искусств секты Пяомяо, прежде чем показать его семью. Пройдя весь этот акт, может ли быть ...

Сердце Шуй Юйпэна слегка смягчилось, но он все же не осмелился поверить, что Оу Пэн будет настолько смел, чтобы сохранить его в живых, и позволить ему снова возглавить секту Лошуй.